

ПАТРУШЕВ СЕРГЕЙ

ТРИЗРАК ДЕМОНА
АКАДЕМИЯ
ПРОКЛЯТЫХ

Сергей Патрушев

**Призрак демона.
Академия проклятых**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Призрак демона. Академия проклятых / С. Патрушев — «Автор»,
2026

Академия проклятых - место, где тьма стала вторым домом. Алиса, юная волшебница с редким даром, поступает на первый курс. Здесь она встречает чародея, мага иллюзий, лучника и повелителя времени. Она осваивает все виды магии, кроме одной. Почему? И кто такой Призрак Демона, которого она единственная может услышать? Она первая, кто смог заговорить с ним. Но что скрывает дух? И почему магия повелителя времени остаётся для неё загадкой? Правда, скрытая веками, ждёт своего часа. Но готова ли Алиса узнать её? И чем придётся заплатить за ответ? Возможно, ответ там, где время замирает.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Врата для избранных	5
Глава 2. Лекция по артефакторике и Вельд	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Сергей Патрушев

Призрак демона. Академия проклятых

Глава 1. Врата для избранных

Дождь над Мертвыми пустошами не нес жизни. Он пах старой гарью и медью. Тяжелые свинцовые тучи висели так низко, что, казалось, их можно было достать рукой, стоило лишь подняться на цыпочки. Алиса стояла на краю выжженного плато, и ледяные струи воды стекали по ее волосам, впитываясь в черную ткань дорожного плаща. Ей было двадцать два года, и последние три дня пути сквозь Пепельные топи она почти не спала. Но усталости не было. Был лишь холодный, звенящий фокус, который всегда охватывал ее перед лицом неизвестности.

Перед ней возвышалась Академия Проклятых.

Обычный человек не увидел бы ничего, кроме отвесной базальтовой скалы, иссеченной ветрами. Но Алиса видела. Ее магия тьмы, врожденная, густая и маслянистая, как чернила осьминога, позволяла смотреть сквозь иллюзии. Скала дышала. Она пульсировала в такт медленному, древнему сердцебиению, скрытому глубоко под землей. В камне угадывались очертания колоссального готического собора, который не строили — его выращивали из самой преисподней, словно кристалл в перенасыщенном растворе. Шпили, пронзающие тучи, были сделаны не из камня, а из застывшего мрака. Витражи отсутствовали, вместо них зияли провалы, из которых сочился тусклый, болезненно-лиловый свет.

Это место было скрыто от глаз обычных людей не чарами отвода глаз. Оно было просто слишком неправильным для человеческого разума. Взглянув на Академию, смертный сошел бы с ума за минуту, решив, что его глаза предали его.

Алиса сделала шаг вперед. Под ногами хрустнуло. Она посмотрела вниз — плато было усеяно костями. Не мелкими останками животных, а массивными, пожелтевшими от времени костями существ, которые не значились ни в одном бестиарии. Ребра размером с мачту корабля, фаланги пальцев, способные служить надгробиями. Академия стояла на кладбище титанов.

— Пришла, — раздался голос, который не принадлежал ни мужчине, ни женщине. Он звучал сразу в голове, минуя барабанные перепонки, и оставлял во рту привкус пепла.

Из тени базальта соткалась фигура. Это был не человек. Ростом под три метра, лишенный кожи, мускулатуры и жира — лишь голый, идеально отполированный черный скелет, в глазницах которого вращались галактики поглощенного света. В руках, состоящих из сплетения лучевых костей, он держал посох из цельного куска обсидиана.

— Смотритель, — кивнула Алиса, не выказывая ни страха, ни удивления.

Смотритель Врат был первым испытанием. Традиция требовала, чтобы соискатели падали ниц, молили о пощаде или пытались бежать. Алиса просто стояла, позволяя дождю омыwać ее лицо. Ее врожденная магия тьмы лениво шевельнулась под кожей, реагируя на близость родственной, но бесконечно более древней силы.

— Ты молода, — проскрежетал Смотритель. Его челюсть не двигалась. — Двадцать два года. Большинство приходит сюда, когда их души уже изъедены отчаянием, а тела искалечены клеймами охотников. Зачем ты здесь, дитя тени?

— Чтобы учиться, — ровно ответила Алиса. — Чтобы понять пределы своей силы. И чтобы перестать быть «дитя».

Смотритель наклонил череп. Галактики в его глазницах на мгновение столкнулись. — Академия Проклятых не дает знаний. Она забирает иллюзии. Она ломает тех, кто слишком слаб, чтобы признать собственную гниль. Врата открываются лишь для тех, кто готов сжечь

себя дотла. Твоя магия тьмы... она красива. Плотная. Но это лишь шелуха. Я вижу твой потенциал, девочка. Он пугает даже меня.

— Тогда отойди, — сказала Алиса. — Я не собираюсь стоять под дождем до конца времен.

Скелет издал звук, похожий на треск ломающегося льда. Это был смех. — Смелость. Или глупость. Сейчас проверим.

Он ударил посохом о землю.

Базальт под ногами Алисы разошелся с оглушительным грохотом. Плато провалилось в бездну, открывая жерло вулкана, из которого рвался не огонь, а чистый, концентрированный Свет. Не божественный, дарующий надежду, а Абсолютный Свет — первозданная, сжигающая все живое энергия творения. Для мага тьмы это было страшнее смерти. Это было небытие.

Волна жара ударила вверх. Плащ на плечах Алисы вспыхнул и осыпался пеплом за долю секунды. Кожа на лице натянулась, готовая слезть лоскутами. Воздух превратился в стекло, разрезающее легкие при каждом вдохе.

Обычный темный маг на ее месте попытался бы выставить щит. Попытался бы противопоставить тьму свету, что привело бы к аннигиляции и мгновенному испепелению. Попытался бы бежать.

Алиса не сделала ничего из этого.

Ее уникальная способность к адаптации сработала на уровне базовых инстинктов. Она не стала бороться со Светом. Она позволила ему войти.

Ослепительная белизна хлынула в ее зрачки, выжигая сетчатку. Боль была запредельной, математически выверенной пыткой. Но вместо того чтобы сопротивляться, Алиса открыла свой внутренний мрак навстречу этой волне.

Ее врожденная тьма была холодной. Свет — невысказанно горячим. Когда они встретились внутри нее, не произошло взрыва. Произошел синтез.

Она начала адаптироваться. Ее магическая система перестраивалась на лету, создавая новые, невозможные нейронные связи. Она пропускала Свет сквозь себя, как воду сквозь сито, заставляя его огибать ядро своей души, где клубился первородный мрак. Кожа на ее руках сначала покраснела, затем пошла волдырями, а потом... начала меняться. Она уплотнялась, приобретая текстуру застывшей лавы, поглощая энергию Света и перерабатывая ее.

Алиса подняла голову. Ее глаза больше не были человеческими. Радужка исчезла, зрачок вытянулся в вертикальную щель, а белок заполнился кипящим золотом.

— Интересно, — прохрипела она, и ее голос теперь звучал с легким металлическим эхом. — Горячо.

Смотритель Врат замер. Галактики в его глазницах замедлили свой бег. За последние пятьсот лет ни один соискатель не выдерживал и трех секунд. Эта девушка стояла в столбе Абсолютного Света уже полминуты, и ее тело не превращалось в пепел. Оно трансформировалось.

— Достаточно, — сказал Смотритель, опуская посох.

Жерло вулкана захлопнулось так же внезапно, как и открылось. Базальт со скрежетом встал на место.

Дождь снова ударил по плато.

Алиса упала на колени. Ноги не держали. Ее била крупная дрожь — отходняк от запредельного напряжения. Кожа на руках была цела, но приобрела странный, пепельно-серый оттенок, а вены под ней на несколько секунд потемнели, став почти черными, прежде чем вернуть нормальный вид. Боль медленно отступала, оставляя звенящую пустоту и невероятную ясность ума.

— Ты прошла, — констатировал Смотритель. — Врата открываются не ключом. Они открываются признанием. Ты признала, что можешь вместить в себя гибель миров и не сломаться.

Он стукнул посохом о уцелевший край скалы. Базальт пошел рябью, словно поверхность воды, и разошелся в стороны, открывая проход.

За порогом не было продолжения скалы. Там был другой мир.

Алиса, опираясь о камень, поднялась на ноги. Она шагнула внутрь, и базальт сомкнулся за ее спиной, отрезая шум дождя Мертвых пустошей.

Тишина.

Она стояла в огромном холле. Потолок терялся во мраке, который не был тьмой, а скорее отсутствием самого понятия высоты. Пол был выложен плитами из черного мрамора, в которых, если присмотреться, можно было увидеть медленно текущую кровь. Воздух здесь был сухим, пах старой бумагой, озоном после грозы и чем-то сладковато-гнилостным, как запах орхидей-падальщиков.

Здесь уже ждали.

Вдоль стен, скрестив руки на груди, стояли фигуры в багровых мантиях. Студенты старших курсов. Их лица были бледными, а глаза светились в полумраке — у кого-то желтым, у кого-то ядовито-зеленым. На груди каждого висел серебряный значок, покрытый вязью рун. У Алисы такого не было.

— Новенькая, — протянул высокий юноша с кожей цвета слоновой кости и волосами, похожими на белое пламя. Его глаза светились чистым ультрафиолетом. — Тьма. Первокурсница. Какая пошлость. Каждый год одно и то же. Приходят из своих забытых богом деревень, думают, что их способность гасить свечи делает их особенными.

Алиса проигнорировала его. Она смотрела на центральную лестницу, широкую, как посадочная полоса, ступени которой, казалось, были выточены из цельных черепов.

— Она тебя не слышит, Каин, — мелодично произнесла девушка, стоявшая чуть впереди. В отличие от остальных, на ней не было мантии. На ней было платье из переплетенных черных роз, шипы которых, казалось, росли прямо из ее бледной кожи. Ее волосы были цвета воронова крыла, а губы — синими, как у утопленницы. — Она все еще слушает свои новые кости. Ты ведь слышишь их, дитя? После Света Смотрителя они всегда поют.

— Слышу, — подтвердила Алиса, переводя взгляд на нее. — Они поют о том, что мрамор под ногами жаждет.

По рядам старших студентов прошелестел шепот. Девушка в платье из роз улыбнулась, обнажая два ряда идеально ровных, но нечеловечески острых зубов.

— Меня зовут Моргана. Я — префект первого курса. Добро пожаловать в Ад, Алиса.

Она щелкнула пальцами. Из теней в углах холла выступили еще две фигуры. Это были не студенты. Гуманоидные силуэты, состоящие из шевелящихся насекомых и ржавого металла. Големы-слуги.

— Твой первый урок начинается прямо сейчас, — продолжила Моргана, спускаясь на несколько ступеней. — Академия не дает общежитий. Она не дает крыши над головой. Вы должны взять это сами.

Она указала вверх.

Алиса проследила за ее взглядом. Под самым потолком, в абсолютном мраке, висели тысячи каменных ячеек, похожих на соты гигантского склепа. Большинство из них были пусты. Некоторые были завалены костями или заросли чем-то, напоминающим пульсирующий мох. — Высшие курсы живут на нижних уровнях, ближе к библиотекам и лабораториям. Первый курс карабкается на самый верх. Но ячейки не пустуют. Они заняты. Старыми жильцами.

— Гарпии? Упыри? — уточнила Алиса, разминая пальцы. Магия тьмы послушно откликнулась, концентрируясь в кончиках пальцев прохладными иглами.

— Хуже, — ухмыльнулся Каин. — Архивные твари. Фрагменты проклятых знаний, обретшие плоть. Они охраняют сухие места.

— Правила просты, — сказала Моргана. — Кто добрался до ячейки и выжил — остается там. Кто упал — становится удобрением для нижних этажей. Время пошло.

Она щелкнула пальцами еще раз.

Центральная лестница дрогнула и начала уходить из-под ног, превращаясь в крутой, почти отвесный склон. По стенам холла пробежала дрожь, и из сотен темных ниш, скрытых в мраморе, послышался нарастающий скрежет.

Они лезли отовсюду.

Существа, которых Алиса про себя мгновенно классифицировала как «библиотечный перегной». Сгустки пожелтевшего пергамента, скрепленные сухожилиями, с глазами-чернильницами. Полуистлевшие фолианты, которые ползали на десятках вырванных страниц, используя их как паучьи лапы. Тени, отбрасываемые ничем, которые отрывались от пола и пикировали вниз, пытаясь вцепиться в горло.

Старшие студенты не двигались с места. Это было их развлечение. Шоу для первокурсников.

Каин создал в ладони сгусток плазменного огня и лениво швырнул его в пролетающую мимо тварь. Та взорвалась облаком пыли и гнилых закладок. — Ставлю десять империалов, что серая мышка упадет на первой минуте, — громко заявил он.

— Принимаю, — отозвалась Моргана. — Она слишком спокойна. Слишком мертва внутри. Такие обычно ломаются, когда понимают, что их магия здесь — не оружие, а зубочистка.

Алиса не стала тратить время на споры. Она оценила геометрию зала. Лезть по отвесной стене, усеянной движущимися ловушками — самоубийство. Потолок слишком высок.

Ее способность к адаптации требовала данных. Она закрыла глаза на долю секунды, погружаясь в свою тьму.

Магия тьмы — это не только создание сгустков мрака. Это управление отсутствием света, страхом, гравитацией и, что самое важное, тенями.

Алиса не создала щит. Она создала якорь.

Она ударила кулаком по мраморному полу. Но ударила не плотью, а концентрированным импульсом гравитационной тьмы. Пол под ней не треснул. Он на мгновение потерял свойство твердости, став вязким, как смола.

Она провалилась.

Старшие студенты ахнули. Каин подался вперед, едва не выронив пламя. Пройти сквозь камень — это уровень архимагов, требующий колоссальных затрат энергии. Алиса же сделала это с пугающей легкостью.

Она не пошла сквозь толщу горы. Она скользнула в слой реальности, где существовали только тени. Для стороннего наблюдателя ее силуэт просто размытым пятном ушел вертикально вниз сквозь камень, чтобы через секунду материализоваться на стене, в десяти метрах над полом, прямо под нависающим карнизом.

Там, в густой тени карниза, сидела тварь. Похожая на распухший, гниющий дирижабль, покрытый глазами, она пульсировала, переваривая магический фон. Это был Страж ячейки.

Тварь открыла все свои глаза разом. Удар ментального, животного ужаса обрушился на Алису. Любой другой первокурсник сорвался бы вниз, парализованный страхом падения и собственной смерти.

Алиса лишь прищурилась. Ее разум, натренированный выживать, принял удар и препарировал его. *Страх. Просто химическая реакция. Всплеск адреналина и кортизола. Игнорировать.*

Она шагнула прямо в воздухе, оттолкнувшись от пустоты. Ее врожденная тьма уплотнилась под подошвами ботинок, создав временные ступени.

Тварь издала беззвучный рев и плюнула сгустком концентрированного отчаяния. Черная субстанция летела быстрее звука.

Алиса не стала уклоняться. Она приняла удар на левую руку. Сгусток окутал ее предплечье, пытаясь разесть не плоть, а саму волю. Боль была отвратительной, ноющей, выворачивающей воспоминания наружу. Она увидела лицо матери, искаженное предсмертным ужасом. Почувствовала холод склепа, в котором очнулась в возрасте семи лет.

Ее адаптация включилась мгновенно. Магия тьмы в ее теле перестроилась, создавая анти-тела к ментальному яду. Она пропустила боль сквозь себя, проанализировала ее структуру и выплюнула обратно.

Ее правая рука метнулась вперед. Это был не огненный шар и не молния. Это был тонкий, как игла, стилет из абсолютного вакуума — прокол в самой ткани реальности.

Стилет вошел точно в центральный глаз твари.

Существо, состоящее из проклятых знаний, издало звук рвущейся бумаги и осыпалось вниз дождем из истлевших пергаментов и высохших чернильных луж.

Путь был свободен. Алиса подтянулась на руках и забралась в каменную ячейку.

Она была сухой. В ней пахло пылью и озоном, но не было ни мха, ни костей. Около двух метров в ширину — роскошь для первого курса.

Алиса села на холодный пол, скрестив ноги. Сердце билось ровно. Рука, принявшая удар твари, слегка онемела, но регенерация уже начала свою работу.

Она посмотрела вниз.

Холл представлял собой сюрреалистическую картину бойни. Пол был завален останками тварей и, к несчастью, телами нескольких студентов, которые оказались менее удачливыми или менее подготовленными. Каин стоял с открытым ртом. Моргана больше не улыбалась. Она смотрела на ячейку Алисы с холодным, оценивающим интересом хищника, встретившего равного.

— Десять имперIALов, Каин, — ровно бросила она, не отрывая взгляда от Алисы. — Будь добр, передай их мне после колокола.

Алиса достала из поясной сумки тонкую серебряную иглу — единственное напоминание о ее прошлой жизни. Она уколола палец и мазнула кровью по каменному косяку своей новой «комнаты». Кровь зашипела, впитываясь в мрамор, и вспыхнула тусклым фиолетовым светом. Ячейка была помечена. Теперь это была ее территория.

Она легла на спину, заложив руки за голову. Мышцы гудели от перенапряжения, но разум был кристально чист.

Академия Проклятых. Первый день. Первый этаж. Первая ячейка.

Где-то глубоко под замком, в самом сердце горы, снова ударило то самое медленное, древнее сердце. Пол под Алисой едва заметно дрогнул в такт. Академия приняла ее. Но она была лишь маленьким темным пятном в океане бесконечной, голодной ночи. И Алиса знала — чтобы выжить здесь, ей придется стать самой этой ночью.

Она закрыла глаза, погружаясь в короткий, восстанавливающий сон. Завтра должны были начаться настоящие занятия. И она собиралась быть лучшей. Или единственной, кто останется в живых.

Сны в Академии не приносили отдыха.

Алиса стояла посреди бескрайней пустыни из черного стекла. Неба не было — над головой нависал сводчатый потолок из того же базальта, что и на входе. Вдалеке возвышалась башня, сплетенная из человеческих позвончиков, и из ее вершины бил столб Абсолютного Света, тот самый, что едва не убил ее у Врат.

Она была не одна.

Рядом с ней стоял демон. Он не был похож на те карикатурные изображения, что рисуют в храмах Света. У него не было рогов и раздвоенных копыт. Он выглядел как идеальный, безупречный мужчина лет тридцати, одетый в строгий, сшитый на заказ костюм из ткани, которая поглощала свет. Единственной деталью, выдававшей его природу, были его глаза — два провала в абсолютную пустоту, в которых медленно тонули умирающие звезды. И тени. За его спиной не было крыльев, там клубилась сама Бездна, живая, дышащая, голодная.

— Ты быстро учишься, Алиса, — сказал демон. Его голос не звучал в ушах, он звучал прямо в затылке, вибрируя на частоте распада атомов. — Смотритель Врат обычно ломает кандидатов. Ты же просто... перековала себя.

— Кто ты? — спросила Алиса. В этом сне ее голос звучал ровно, хотя внутри все кричало от первобытного ужаса. Ее магия тьмы, обычно послушная, сейчас металась внутри, пытаясь найти источник этого давления и отступала, поджимая хвост.

— Я — тот, кто построил эту Академию, — улыбнулся демон. Улыбка была хищной, но искренней. — Я — тот, кто проклял первый камень этого замка. Можешь звать меня Люциан. Я — директор. И твой куратор.

— У первокурсников нет кураторов, — возразила Алиса. — Есть только префект Моргана.

— Моргана — надзирательница для стада, — отмахнулся Люциан. — Она следит, чтобы овцы не разбежались до стрижки. Я же занимаюсь волками. А ты, моя дорогая, не просто волк. Ты — аномалия.

Он сделал шаг вперед. Стекло пустыни плавилось там, где он ступал. — Твоя способность к адаптации. Я наблюдал за тобой через Врата. Свет не причинил тебе вреда, потому что ты не пыталась его отразить. Ты начала его изучать. Ты начала его потреблять. Это не магия тьмы в ее классическом понимании. Это магия энтропии. Ты не создаешь мрак, ты ускоряешь распад всего, к чему прикасаешься. Свет, камень, чужая воля... Для тебя это лишь материя, у которой есть срок годности.

— Это полезно, — констатировала Алиса.

— Это опасно, — поправил Люциан. — Для окружающих. И для тебя самой. Если ты не научишься контролировать скорость этого распада, однажды ты просто растворишься. Станешь однородной, вездесущей тьмой. Потеряешь форму. Потеряешь «я». А Академия, как ты уже могла заметить, не поощряет потерю студентов до окончания первого семестра. Это портит статистику.

— Чего ты хочешь? — прямо спросила Алиса.

Демон Люциан щелкнул пальцами. Пустыня исчезла. Они оказались в его кабинете. Огромная комната, где вместо окон были пробиты дыры в другие миры: в одном шел кислотный дождь из человеческих глаз, в другом пылали океаны ртути.

За столом из цельного куска метеоритного железа лежали бумаги. — Я хочу, чтобы ты выжила, — сказал он, обходя стол и садясь в кресло, которое застонало под его весом, хотя казалось, что оно сделано из камня. — Но выживание — это скучно. Я хочу, чтобы ты доминировала.

Он пододвинул к ней пергамент, скрепленный сургучной печатью, которая выглядела как застывший кусок живой плоти. — Первый курс в Академии Проклятых делится на две ветви. Общая программа. Там вас учат не убивать друг друга на переменах, дают базовые курсы некромантии, демонологии и проклятий. Это путь Каина. Он станет сильным, но предсказуемым боевым магом.

Люциан постучал длинным пальцем по печати. — И есть Специальный поток. «Эгида Бездны». Там не учат защищаться. Там учат быть оружием. Тем, кто выйдет за эти стены через

пять лет не для того, чтобы служить в страже какого-нибудь баронства, а чтобы переписывать границы королевств.

— В чем подвох? — Алиса не притронулась к пергаменту.

— Вступительный экзамен, — ухмыльнулся директор. — Он начнется через час. В Зале Тысячи Ножей. И если ты его провалишь, тебя не отчислят. Твое тело просто разберут на реагенты для алхимиков второго курса. Подпиши, Алиса. Или не подписывай и иди спать. Выбор всегда за тобой, но помни: в этом замке бездействие — это тоже выбор. Чаще всего — последний.

Он положил перед ней перо. Обычное воронье перо, отливающее металлом.

Алиса взяла его. Перо было холодным, как сердце утопленника. Она посмотрела на демона.

— Почему я? — спросила она. — Из-за Врат? Из-за того, что я не сгорела?

— Нет, — покачал головой Люциан. — Врата пропускают многих. Смотритель любит ломать сильных, чтобы пить их отчаяние. Он пропустил тебя, потому что ты была ему *неинтересна*. Ты не дала ему ни капли страха. Ты дала ему данные для анализа. Ты — идеальный механизм. А мне нужны идеальные механизмы, чтобы крутить шестеренки этого мира. Подписывай. У тебя есть сорок секунд до того, как перо превратится в пепел.

Алиса посмотрела на чистый лист. Она подумала о Мертвых пустошах, о костях титанов, о твари из пергамента. О Каине, который уже считал ее трупом. О Моргане, чьи зубы были острее кинжалов.

Она занесла перо.

— Тридцать секунд, — любезно подсказал Люциан.

Алиса резким, каллиграфическим почерком вывела свое имя. Чернила, вытекающие из пера, были темно-багровыми.

Как только она поставила точку, перо рассыпалось в пыль. Сургучная печать на документе вспыхнула и впиталась в пергамент.

— Добро пожаловать в «Эгиду», — сказал Люциан, и его глаза-полные пустоты на мгновение блеснули одобрением. — Урок начнется, когда колокол ударит в третий раз. Не опаздывай. Профессор Кроули ненавидит ждать. Он старый, ворчливый лич, и когда он недоволен, он начинает препарировать тех, кто находится в зоне доступа.

Сон начал таять. Кабинет, дыры в другие миры и сам директор растворились в багровом тумане.

Алиса открыла глаза.

В ее ячейке было темно, но для нее темноты не существовало. Она видела каждую пылинку в воздухе.

Колокол ударил дважды. Низкий, вибрирующий звук, от которого, казалось, вскипает кровь.

Она знала, где находится Зал Тысячи Ножей. Вчера, пока она карабкалась по стене, ее разум автоматически составлял трехмерную карту замка, впитывая потоки магии, как губка. Зал находился тремя уровнями ниже, в секторе, который на картах живых обозначался бы как «сердце».

Она поднялась на ноги. Тело все еще помнило боль от удара Стража, но слабость ушла.

Алиса подошла к краю своей ячейки. Прыгать вниз с такой высоты на мраморный пол — верный способ переломать ноги.

Она посмотрела на свои ладони. Собрала магию тьмы. Но на этот раз она не стала делать из нее оружие или ступени. Она сделала из нее вязкую, густую смолу.

Она шагнула в пустоту.

Гравитация потянула ее вниз, но тьма, стекающая с ее рук, приклеилась к стене. Она не скользила, она стекала, замедляя падение до скорости падающего листа. Алиса приземлилась на пол спустя минуту абсолютно бесшумно. Ни одна костяная плита под ее ногами не дрогнула.

Она вышла в главный холл.

Тела неудачливых студентов уже убрали. Пол был вымыт до блеска, пахнувший хлоркой и формалином. Каин стоял у подножия лестницы, ведущей вниз. Рядом с ним была Моргана. Они о чем-то яростно спорили, но при виде Алисы замолчали.

— Решила все-таки сдохнуть в Зале? — крикнул Каин, пытаясь вернуть себе маску превосходства. — «Эгида» — это миф для запугивания идиотов. Никто не возвращается оттуда после первого занятия.

— Тогда ты сможешь забрать мою ячейку, — ровно ответила Алиса, проходя мимо него. — Если успеешь добежать до Зала раньше, чем Кроули начнет без тебя.

Она не стала спускаться по лестнице. Она просто шагнула в тень, отбрасываемую колонной, и вышла из тени у подножия винтовой спирали, уходящей глубоко под землю.

Магия пространства. Простейшая манипуляция тенями, которую она вывела на новый уровень благодаря своей адаптации. Для нее расстояние между двумя тенями было равно нулю.

Коридоры нижних уровней отличались от верхнего холла. Здесь не было даже того скудного лилового света. Здесь царила абсолютная, первобытная мгла. Воздух был тяжелым, наполненным запахом озона, формалина и озерной тины. По стенам, пульсируя, шли толстые кабели, похожие на обнаженные вены, по которым текла не кровь, а концентрированная магическая энергия.

Зал Тысячи Ножей встретил ее звоном.

Это было огромное круглое помещение, высеченное в цельной скале. Потолка не было — вместо него открывался вид на геенну огненную, протекающую в одном из смежных измерений.

Пол зала был выложен мозаикой из лезвий. Тысячи мечей, кинжалов, стилетов и скальпелей были вмурованы в камень острием вверх, образуя идеально ровную, зеркальную поверхность. Пройти по такому полу невозможно. Шаг — и сталь пронзит стопу.

Но проблема пола была наименьшей из забот.

В центре зала, за кафедрой из человеческих черепов, стоял профессор Кроули.

Он был мертв. И был мертв уже очень давно. Его кожа высохла и туго обтянула кости, приобретя цвет старого пергамента. В груди зияла дыра, сквозь которую был виден медленно вращающийся, покрытый инеем кристалл — филактерия, удерживающая его душу в мертвом теле. Один глаз был тусклым стеклянным шаром, второй — живой, желтый, птичий, смотрел с неуголимимым, научным любопытством.

— Опаздываешь на сорок секунд, — проскрипел Кроули. Его голос был похож на звук, с которым нож вскрывает грудную клетку. — Тридцать девять штрафных баллов. Ложись на кафедру. Будем вырезать твою селезенку. Посмотрим, как быстро она регенерирует.

— Я здесь для вступительного экзамена, — сказала Алиса, не двигаясь с места. Она оценивала зал. Выходов, кроме теней, не было. Лезвия на полу имели магическую природу — они резали не только плоть, но и эфирное тело.

— Экзамен и есть препарирование, — пожал плечами лич. — Спецпоток «Эгида Бездны» не для тех, кто хочет колдовать. Он для тех, кто хочет *быть* магией. А чтобы понять, как работает машина, ее нужно разобрать.

Он взмахнул рукой.

Из стен ударили цепи. Не железные — выкованные из чистого холода и отчаяния. Они метнулись к Алисе со скоростью гадюк. Любой другой маг выставил бы щит. Попытался бы сжечь цепи тьмой. Алиса сделала шаг назад. Прямо в лезвия.

Сталь вошла в ее подошвы. Боль была острой, механической. Она почувствовала, как лезвие пробило кость и вышло сквозь подъем стопы. Цепи на долю секунды замешкались, потеряв цель. И этой доли секунды хватило.

Алиса не закричала. Ее лицо осталось маской. Ее адаптация работала на пределе. Нервная система отсекала болевые сигналы, переводя их в сухие данные: *«Повреждение мягких тканей. Перфорация плюсневых костей. Потеря крови: 0,1 литра в секунду. Риск падения: 87%»*.

Ее магия тьмы хлынула из ран не кровью, а черной, густой смолой. Но это была не защитная магия.

Она направила ее *вниз*. В камень. В самую структуру лезвий.

Ее способность к энтропии, о которой говорил Люциан, активировалась. Она не пыталась остановить сталь. Она приказала ей разрушиться. Она ускорила коррозию, усталость металла и распад кристаллической решетки в тысячи раз.

Мозаика из тысячи ножей под ее ногами с тихим, шелестящим звуком превратилась в пыль.

Алиса упала, но не на сталь, а на мягкий ковер из металлической трухи. Она тут же вскочила, оставляя в пыли два четких кровавых следа. Раны на ногах начали медленно, слишком медленно для обычного темного мага, затягиваться.

Кроули моргнул своим птичьим глазом. — Любопытно, — протянул он. — Прямая энтропийная атака на макрообъекты. Третий курс. Может, даже четвертый. А ты, по документам, еще даже не умела читать, когда я начал преподавать.

Цепи снова бросились на нее. На этот раз Алиса не стала ждать. Она ударила в ответ. Но она не ударила в цепи. Она ударила в тень, которую цепи отбрасывали в свете геенны огненной наверху.

Тень — это отсутствие света. Но в Академии Проклятых тень — это дверь.

Алиса вцепилась магией в двухмерный силуэт цепей на полу. Она потянула его на себя, выворачивая пространство.

Цепи, летевшие к ней в воздухе, натянулись и с визгом рвущегося металла исчезли. Они материализовались из тени прямо перед Кроули, обернувшись вокруг его шеи и кафедры.

Лич захрипел, его птичий глаз вылез из орбиты. Кристалл в его груди вспыхнул синим, пытаясь сжечь магические пути.

— Достаточно, — прохрипел он, когда кости его шеи затрещали.

Алиса разжала пальцы. Тень на полу стала просто тенью. Цепи осыпались на пол горсткой ржавой пыли.

Кроули тяжело дышал, хотя мертвым легкие не нужны. Он смотрел на Алису с неподдельным, почти детским восторгом. — Тридцать девять штрафных баллов аннулированы, — сказал он, поправляя свой истлевший воротник. — Плюс пятьсот за импровизацию и плюс двести за то, что не упала в обморок от болевого шока. Итого, ты в плюсе.

Он щелкнул костлявыми пальцами.

Пол из металлической трухи дрогнул и со скрежетом начал перестраиваться. Лезвия втягивались обратно в камень, уступая место ровному обсидиановому полу.

— Поздравляю, Алиса, — лич растянул мертвые губы в подобии улыбки. — Вы все здесь убийцы, некроманты и безумцы. Но ты... ты — хирург. Ты видишь, как устроен мир, и тебе не терпится поковыряться в его внутренностях скальпелем.

Из теней за кафедрой вышли еще две фигуры.

Одна была закутана в бинты, сквозь которые не пробивался свет. От нее пахло миррой и разложением. Высшая жрица Смерти. Вторая — молодая девушка, на вид ровесница Алисы, с кожей цвета грозовой тучи и волосами, потрескивающими от статики. Нимфа Бури, проклятая еще в колыбели.

— Это твои одноклассники, — сказал Кроули. — Познакомьтесь в процессе. А теперь, раз вы все так любите острые предметы, начнем лекцию. Тема сегодняшнего занятия: «Анатомия архидемона. Как извлечь сердце, не убивая сосуд». Приготовьте свои тетради. И бинты. Будет много крови.

Алиса сделала шаг вперед. Боль в ногах почти утихла, раны затянулись, оставив лишь бледные шрамы. Она встала в первом ряду, прямо перед кафедрой из черепов.

Она посмотрела на лица-профессора, затем на своих новых, крайне опасных соседей. Она больше не была Алисой из Мертвых пустошей. Она не была просто магом тьмы. Она подписала контракт с Бездной. Она стала студенткой «Эгиды».

И она собиралась стать лучшей ученицей, которую когда-либо видел этот проклятый замок. Люциан хотел оружие. Что ж, он его получит. Но

Глава 2. Лекция по артефакторике и Вельд

Кровь архидемона пахла озоном и старым, выдохшимся вином.

Профессор Кроули, не обращая внимания на то, что его левая рука все еще дымится после неудачной попытки извлечения селезенки у практического образца, меланхолично копался во внутренностях существа длинным стальным крюком. — Обратите внимание на плотность аортальной стенки, — проскрипел лич, поднося сизый, пульсирующий комок поближе к свету геенны. — У низших демонов она напоминает резину. У высших — переплетение стальных тросов и сухожилий химеры. Если вы планируете отравить князя преисподней, забудьте о ядах. Они переварят мышьяк на завтрак. Ваша единственная надежда — механическое разрушение. Или, как в нашем случае, энтропия.

Алиса сидела в первом ряду, скрестив ноги. На ее коленях лежал открытый фолиант «Начальные принципы некротической хирургии». Книга была переплетена в кожу, которая все еще изредка подергивалась. Алиса делала пометки серебряным пером, макая его не в чернильницу, а в лужицу вязкой, черной субстанции, которая скапливалась у основания ее большого пальца. Ее уникальная способность к адаптации требовала фиксации данных. Мозг обычного человека сошел бы с ума от когнитивного диссонанса, пытаясь совместить академическую латынь и вид обнаженного, все еще живого сердца архидемона. Для Алисы это была просто анатомия.

Рядом с ней, отделенная узким проходом, сидела Нимфа Бури. За прошедшие три часа практических занятий девушка не проронила ни слова. Она лишь методично впитывала статическое электричество из воздуха, отчего волосы вокруг ее головы потрескивали, а кожа приобрела оттенок вольфрама. Когда Кроули случайно брызнул на нее каплей демонической желчи, Нимфа Бури просто позволила ей испариться, коснувшись пальцем. Капля исчезла с тихим хлопком, оставив в воздухе запах озона.

— Вы. В бинтах, — Кроули ткнул крюком в сторону третьей студентки. — Перестаньте молиться. Мертвым не нужны ваши молитвы, они сами скоро станут мертвыми. Подойдите и возьмите образец коры надпочечников.

Закутанная в бинты жрица Смерти медленно поднялась. Ее движения были плавными, неестественно текучими, словно она состояла не из костей и мышц, а из пересыпающегося песка. Она подошла к столу, не касаясь пола, и ее сухие, тонкие пальцы извлекли из чрева демона два серых, сморщенных мешочка. Жрица поднесла их к лицу, скрытым повязками, и глубоко вдохнула. — Страх, — прошелестела она. — Он умер, цепляясь за последнюю искру ужаса. Надпочечники переполнены. Идеально для ритуала «Глас Паники».

— Садитесь, пять баллов, — равнодушно бросил Кроули. — Остальным — минус десять за отсутствие инициативы.

Колокол ударил трижды. Низкий, утробный звук, от которого завибрировали не только кости черепа, но и сами фундаментальные законы магии в этом зале. — Анатомия окончена, — объявил лич, небрежным жестом скидывая остатки демона в открывшийся под кафедрой зев утилизатора. — Следующая пара — Артефакторика. Аудитория 404. В подвале Восточной башни. Не опаздывайте. Профессор Вейн не любит, когда нарушают геометрию его защитных кругов. Он старый параноик. Считает, что линейка — лучшее оружие против первородного хаоса.

Студенты начали подниматься. Тела, изуеченные за четыре часа практики, двигались с механической точностью. Нимфа Бури разрядила накопленное электричество в дверной косяк, просто чтобы срезать ржавый замок, преграждающий путь к лестнице. Жрица Смерти собрала свои записи, сделанные кровью на кусках пергамента, содранного с переплета учебника.

Алиса закрыла книгу. Она чувствовала себя... удовлетворенной. Первый день в «Эгиде Бездны» доказал ее теорию: здесь не было слабых. Здесь были только инструменты разной степени заточки.

Она вышла в коридор.

Восточная башня находилась в противоположном конце лабиринта нижних уровней. Карта, которую Алиса составила в первый день, была безупречна, но Академия имела свойство менять геометрию своих коридоров. То, что вчера было прямой галереей, сегодня могло обернуться спиральным спуском в кислотное озеро.

Коридоры были полны студентов. И это было похоже на прогулку по клетке с голодными хищниками, где каждый был вооружен до зубов.

Мимо пронеслась группа второкурсников в кожаных доспехах, сшитых из кожи василисков. Они тащили на цепях нечто, напоминающее живой сгусток ртути. Сгусток плевался кислотой, прожигая камень на полу. — Эй, первогодка! — крикнул один из них, парень с лицом, покрытым ритуальными шрамами в виде шахматной доски. — Лови!

Он швырнул в сторону Алисы сгусток плазмы размером с кулак.

Это не было нападением. Это было приветствием. Проверкой рефлексов. Обычный студент выставил бы щит, отпрыгнул бы в сторону или попытался бы поглотить магию.

Алиса не сделала ни того, ни другого.

Она шагнула в сторону, но не для уклонения. Она шагнула в тень, отбрасываемую статуей гаргульи, мимо которой проходила. Тень на стене и тень на полу для нее были одной и той же точкой. Она вышла из тени прямо за спиной парня со шрамами.

Ее рука, все еще покрытая черной, вязкой субстанцией, легла ему на плечо. Она не использовала боевую магию. Она применила чистую энтропию.

Она коснулась не плоти, а плетения защитного амулета на его шее. Ускорила распад рун. Серебро амулета за секунду покрылось слоем густой, черной патины, а затем рассыпалось в прах. Защита, способная выдержать удар молнии, просто перестала существовать. — Твои рефлексы заржавели, — тихо сказала Алиса ему на ухо, пока он разворачивался. — В следующий раз я ускорю распад твоего позвоночника.

Она убрала руку. Парень замер, глядя на свои пальцы, которые она задела. Кожа на них начала стремительно сереть и шелушиться, превращаясь в труху. Процесс остановился только у запястья, но метка осталась — напоминание о том, что в «Эгиде» даже касание может быть смертельным.

— Стерва, — прохрипел он, отступая. — «Эгида». Понял.

Группа поспешила дальше, обходя Алису по широкой дуге.

Она продолжила путь, сверяясь с эхом магии. Восточная башня пульсировала энергией порядка — жесткой, структурированной, похожей на скрежет мела по доске. Это был верный признак факультета Артефакторики.

Когда она спустилась на самый нижний ярус подвала, запах озона и крови сменился запахом озона, пыли и горячего воска. Воздух здесь был густым от защитных чар. Каждая плитка пола была испещрена едва заметными светящимися линиями.

Аудитория 404 представляла собой идеальный круг. В центре стоял единственный каменный стол. Вокруг него, на равном расстоянии друг от друга, были начертаны тринадцать концентрических кругов из соли, серебра и толченого стекла.

В аудитории уже было двое.

Один стоял спиной к двери, склонившись над столом. На нем была простая серая мантия, лишенная каких-либо знаков отличия. Его плечи были напряжены, а руки совершали странные, плавные пассы над поверхностью стола, словно он разглаживал невидимую ткань.

Второй... второго почти не было видно. Он сидел в самом темном углу, куда не доставал свет редких магических ламп. Просто сгусток более густой тени. Но Алиса, смотря своим

восприятием тьмы, видела его четко. Это был юноша. Худой, с бледной, почти прозрачной кожей. Его волосы были цвета пепла. Он сидел совершенно неподвижно, положив ладони на подлокотники кресла, и от него веяло такой глубокой, концентрированной меланхолией, что воздух вокруг казался тяжелее свинца.

Алиса перешагнула порог.

В ту же секунду линии на полу вспыхнули ослепительно-белым светом. Защитный контур активировался. Пространство внутри аудитории отрезало от внешнего мира. Ни звука, ни сквозняка, ни магии извне. Идеальная изоляция.

— Ты опоздала на сорок три секунды, — произнес человек у стола, не оборачиваясь. Его голос был лишен эмоций, ровный и тихий, как шум работающего метронома. — Геометрия круга нарушена. Тринадцать — число завершенности. Четырнадцатый элемент вносит хаос. Мне придется пересчитывать вектора.

— Я — четырнадцатый элемент, — ответила Алиса, проходя в центр. Пол под ее ногами неприятно хрустел смесью соли и стекла. — Профессор Вейн?

Человек наконец выпрямился. Он оказался высоким, болезненно худым. Его лицо было похоже на череп, туго обтянутый пергаментом, но глаза... глаза были живыми, водянисто-голубыми и смотрели с тяжелым, оценивающим вниманием энтомолога, поймавшего редкую бабочку. — Я не люблю, когда мои студенты делают выводы, — сказал он. — Выводы предполагают наличие данных. У вас их нет. Я — Профессор Вейн. А вы — ошибка в расписании. «Эгида» не должна посещать артефакторику. Ваша дисциплина — разрушение. Мое — созидание. Мы антагонисты.

— Созидание — это лишь отложенное разрушение, — парировала Алиса. — Любой артефакт рано или поздно распадается. Я просто ускоряю процесс.

Вейн медленно повернулся. В руках он держал обычный речной камень, серый и ничем не примечательный. — Ложь, — сказал он. — Вы не ускоряете. Вы... перекраиваете. Я чувствую энтропийный фон вокруг вас. Он структурирован. Это не дикая магия. Это хирургия.

Он положил камень на стол. — Артефакторика в Академии Проклятых, — начал Вейн, обходя стол по кругу, — это не создание милых безделушек, светящихся в темноте. Это наука о ловушках для богов. О якорях, удерживающих реальность от распада. О печати, способной запереть душу демона в песчинке.

Он поднял руку. На его указательном пальце не было ногтя — только голая, пульсирующая плоть. Он коснулся камня. Камень не изменился внешне, но воздух над ним задрожал. — Базовый принцип: материя помнит. Дерево помнит, как было ростком. Камень помнит давление лавы. Кость помнит тепло живого тела. Магия позволяет нам считать эту память.

Он убрал палец. Камень остался лежать на столе, но теперь вокруг него медленно вращалось, едва заметно для глаза, кольцо из золотистой пыли. — Это печать «Око Прошлого». Простейшая структура. Она считывает последние двенадцать часов существования объекта.

Вейн щелкнул пальцами. Пыль осыпалась. — Ваша задача на сегодня — создать нечто подобное. Возьмите заготовку.

Он указал на стеллаж у стены. Там лежали сотни предметов: осколки зеркал, ржавые гвозди, выбитые зубы, гильзы от пуль, обрывки цепей.

Алиса подошла к стеллажу. Ее взгляд зацепился не за магический кристалл или редкий металл. Она взяла обычный медный пятак, стертый почти до дыр.

— Банальный выбор, — прокомментировал Вейн, наблюдая за ней из-под полуопущенных век. — Символ мирской суеты. Жадность. Тщета. — Хорошая теплопроводность, — ответила Алиса. — И высокая плотность примесей. Легче внедрять структурные дефекты.

Она вернулась к столу. Вейн молча наблюдал. Студент в углу, тот самый стук тени, тоже не двигался, но Алиса чувствовала, как его внимание стало физически тяжелым.

Алиса положила пятак на ладонь. Она закрыла глаза.

Ее метод не требовал пения рун или размахивания руками. Она погрузилась внутрь металла. Ее магия тьмы, ее способность к адаптации, работала как микроскоп и скальпель одновременно. Она видела кристаллическую решетку меди. Видела атомы мышьяка и свинца, застрявшие между слоями.

Она не стала вливать в монету свою энергию. Это было бы варварством. Она начала «вынимать» лишнее.

Она нашла в памяти металла след. Пятак помнил тысячи прикосновений: потные ладони игроков, кровь карманника, который расплатился им за молчание, сухую кожу старика, пересчитывавшего жалкие гроши.

Алиса выбрала самый яркий след. Кровь.

Она начала перестраивать атомы. Она не создавала руны на поверхности. Она меняла саму суть металла, превращая его в идеальный резонатор. Она вытравила из меди все лишнее, оставив только чистую, звенящую структуру, готовую принять отпечаток.

Это заняло у нее сорок семь секунд.

Когда она открыла глаза, пятак в ее руке больше не был медным. Он стал матово-черным, поглощающим свет лампы, и холодным, как лед.

— Готово, — сказала Алиса.

Профессор Вейн моргнул. Впервые за все время в его водянистых глазах промелькнуло нечто похожее на удивление. — Вы не использовали вязь, — констатировал он. — Вы... пересобрали атомарную структуру. Это уровень магистров. Как вы это сделали?

— Я просто попросила металл вспомнить, как он был частью жилы в горе, — пожала плечами Алиса. — И убрала все, что случилось после.

Вейн медленно протянул свою изуродованную руку. — Дайте.

Алиса вложила пятак в его ладонь. Профессор сжал пальцы. Его лицо исказилось. Он побледнел еще сильнее, хотя это казалось невозможным. По его лбу поползли капли холодного пота. — Нож, — прохрипел он. — Он вошел... между третьим и четвертым ребром. Убийца был левшой. Монета лежала в кармане жертвы. Она впитала... последний вздох.

Вейн разжал кулак. Пятак лежал на его ладони, но теперь на его черной поверхности медленно проступало, словно фотокарточка в проявителе, изображение. Руки, сжимающие окровавленный стилет. Лицо не было видно, только край капюшона.

— Идеально, — выдохнул Вейн, возвращая монету Алисе. — Пошло. Банально. Убийство из-за денег — самый скучный сюжет во вселенной. Но технически... безукоризненно. Пятьдесят баллов.

Он отвернулся, давая понять, что аудиенция окончена. — Следующий.

Алиса сжала пятак в кулаке, гася остаточное изображение. Она подошла к стеллажу, чтобы положить артефакт в свою сумку.

И только сейчас она по-настоящему посмотрела на студента в углу.

Он сидел в кресле из черного дерева, которое казалось слишком большим для его хрупкой фигуры. Его глаза были открыты. И они не двигались. Он смотрел прямо перед собой, на стену, но Алиса знала — он не видит стену.

Его магия была странной. Она не была ни тьмой, ни светом, ни бурей. Она была... вязкой. Как застывающая смола. И она сочилась из его пальцев, впитываясь в подлокотники кресла.

Алиса подошла ближе. — Ты не взял заготовку, — сказала она.

Юноша медленно повернул голову. Его движения были механическими, как у плохо смазанного шарнира. Его глаза оказались светло-серыми, почти бесцветными, с крошечными, неестественно расширенными зрачками. — Мне не нужны заготовки, — его голос был тихим, шелестящим, лишенным обертонов. Он звучал так, словно доносился со дна глубокого колодца.

Он поднял руку. На его ладони не было оружия. Он просто прижал указательный палец к собственному виску. — Я использую это.

Его палец засветился тусклым, серебристым светом. Это не были руны, которые чертил Вейн. Это были сложнее, многоуровневые геометрические печати, которые возникали прямо из-под его кожи, светясь сквозь плоть.

Он коснулся виска. В воздухе перед ним, на уровне глаз, возникла рябь.

Сначала это было просто искажение света. Затем оно сгустилось, обретая форму. Алиса увидела комнату. Не аудиторию 404, а богато обставленный кабинет. За дубовым столом сидел мужчина средних лет с аккуратной бородкой. Он смеялся. Рядом с ним стояла женщина в платье цвета слоновой кости. Она протягивала ему бокал с вином.

Картинка была объемной, живой. Алиса чувствовала запах того вина — терпкий, виноградный. Слышала, как шелестит шелк платья.

— Это не иллюзия, — прошептал юноша, опуская руку. Печати на его виске медленно погасли, впитываясь обратно под кожу, оставляя на бледной коже лишь едва заметные серые точки, похожие на родинки. — Это эхо. Я не создаю образы. Я считываю остаточную магию пространства. Каждый человек оставляет след. Каждое сильное чувство — радость, горе, предсмертный ужас — выжигает клеймо на стенах. Я просто... читаю эти клейма.

Он перевел свой бесцветный взгляд на Алису. — От тебя пахнет пустошами. И кровью архидемона. Но под этим... я вижу пустую комнату. В ней очень тихо. Там стоит детская кроватка. И она давно остыла.

Алиса не дрогнула. Ее лицо осталось непроницаемой маской, но ее магия внутри сжалась в тугую, холодный комок. Никто не должен был знать о комнате. Никто. — Твоя полезность возрастает, — ровно произнесла она. — Как тебя зовут?

— Вельд, — ответил юноша. — Я не чародей. Я — хроно-резонансный эмпат. По крайней мере, так это называет профессор Вейн, когда хочет произвести впечатление на комиссию. Я просто слышу, как скрипит время.

— Почему ты сидишь в темноте? — спросила Алиса. — В кругу защиты тоже. — Свет создает шум, — пояснил Вельд. — Каждая лампа кричит о своем прошлом. О песке, из которого сделали стекло, о масле, которое в ней горело. В темноте я слышу только эхо людей. И сейчас... — он чуть склонил голову набок, — я слышу, как Нимфа Бури наверху, в коридоре, пытается вскрыть замок хранилища факультета Боевой магии. Она использует статику. Замок сопротивляется. Ей это нравится.

Алиса посмотрела на дверь аудитории. Защитный контур все еще был активен. Они были заперты здесь, в идеальной изоляции, но Вельд видел сквозь нее так же легко, как сквозь стекло.

— Ты опасен, Вельд, — констатировала Алиса.

— Ты тоже, — он позволил себе тень улыбки, которая не затронула его глаз. — Разница в том, что я вижу, как именно ты опасна. Я вижу энтропийные узлы вокруг твоего сердца. Если ты разозлишься по-настоящему, ты не взорвешь гору. Ты просто заставишь ее перестать существовать. Вместе со всеми нами.

В этот момент защитный контур вокруг аудитории издал тихий, мелодичный звон. Геометрия круга мигнула и схлопнулась.

Дверь аудитории 404 с грохотом распахнулась, едва не слетев с петель.

На пороге стояла Нимба Бури. Ее волосы стояли дыбом, потрескивая фиолетовыми искрами. В руках она сжимала тяжелый, обитый железом сундук, который тащила, скребя им по полу. За ней в коридоре виднелись оплавленные остатки еще трех замков. — Артефакторика? — бросила она, затаскивая сундук внутрь и игнорируя возмущенный вскрик Вейна, чей защитный круг она только что разрушила. — Отлично. Мне нужно куда-то сложить то, что я только что украла из хранилища. Там отличные заготовки. Кости драконов, слезы гарпий.

Она бросила сундук к столу. Крышка откинулась.

Вельд, сидевший в своем углу, едва заметно поморщился. — Теперь комната кричит о воровстве, — тихо сказал он в пустоту. — Очень громко.

Профессор Вейн, белый как мел, схватился за сердце (или за то место, где оно должно было быть у живого человека). — Вы... вы вторглись в мое учебное пространство! Нарушили целостность печати! Вы... первокурсники «Эгиды»! Да вы... вы же просто стая бешеных псов!

— Мы — «Эгида Бездны», профессор, — спокойно сказала Алиса, делая шаг вперед и закрывая собой Вейна от разъяренной Нимфы Бури, которая уже примеривалась, как бы вырвать профессору язык за критику. — Смиритесь.

Она посмотрела на Вельда. — Ты идешь? — спросила она. — Или останешься слушать, как стены плачут о несовершенстве профессора Вейна?

Вельд медленно поднялся. Его кресло издало тихий вздох. Он подошел к столу. Он был на голову ниже Алисы и казался совершенно беззащитным на фоне Нимфы Бури, похожей на готовую к удару молнию, и самой Алисы, от которой веяло холодом могилы. — Иду, — сказал он. — Кто-то же должен записывать, когда нас отчислят. А отчислят нас к концу недели.

— Ставлю свой пятак, что мы доживем до конца месяца, — Алиса кивнула на свою сумку.

Вельд впервые посмотрел на нее с проблеском живого интереса. — Принимаю. Хотя твоя монета помнит убийство. Не самая честная ставка.

— В Академии Проклятых честных ставок не бывает, — ответила Алиса, направляясь к выходу.

Они вышли в коридор втроем. Нимфа Бури шла впереди, расчищая путь статическими разрядами, которые заставляли светильники взрываться. Вельд скользил следом, его глаза были полуприкрыты, он считывал эхо их шагов, предсказывая, где через минуту обвалится штукатурка. Алиса шла в центре.

Она чувствовала на себе взгляды. Весь коридор замер. Студенты прижимались к стенам, давая им проход. Они видели «Эгиду». Они видели первокурсников, которые за одно утро выжили после препарирования демона, взломали защитный контур профессора артефакторики и теперь шли по коридору так, будто замок принадлежит им.

— Куда теперь? — спросила Нимфа Бури, пинком отбрасывая с дороги зазевавшегося второкурсника. — Теория проклятий, — ответила Алиса. — Аудитория 666. Главная башня. — Там преподает инкуб, — буркнула Нимфа. — Ненавижу инкубов. От них пахнет похотью и дешевыми духами. — От тебя пахнет озоном и паленой изоляцией, — парировала Алиса. — У каждого свои недостатки.

Вельд тихо, почти беззвучно рассмеялся. Звук был похож на шелест сухих листьев. — Он не инкуб, — сказал он, не открывая глаз. — Он — суккуб. Профессор Малиэль. И он уже знает, что мы идем. Стены передали. Он готовит наглядное пособие. Кажется, это будет живая душа первокурсника с факультета Целительства.

Алиса остановилась. Она посмотрела на Вельда. На его бесцветные глаза, на печать усталости на лице. — Ты видишь это прямо сейчас? — Я слышу, — поправил он. — Суккуб очень громко думает. Он предвкушает. Он считает, что «Эгида» — это сборище диких зверей, которых нужно либо приручить, либо уничтожить. Он хочет проверить, насколько глубоко мы способны пасть ради оценки.

Алиса сжала в кармане черный пятак. — Он будет разочарован, — сказала она. — Мы не падаем. Мы просто спускаемся ниже, чем остальные могут смотреть.

Она пошла дальше, и ее шаги эхом отдавались в притихшем коридоре. Рядом, словно тень, скользил Вельд, читая боль и историю этих древних камней. Позади гремела Нимфа Бури, неся украденный сундук.

Академия Проклятых только что поняла, что ее самые опасные студенты теперь работают в одной связке. И это понимание повисло в воздухе тяжелым, звенящим напряжением, обещающим кровь еще до заката.

Профессор Малиэль был красив той хищной, порочной красотой, которая заставляет жертв самих затягивать веревку на своей шее. Он встретил их, возлежа на кафедре, которая больше напоминала ложе из черного бархата. На нем был шелковый халат, распахнутый ровно настолько, чтобы демонстрировать идеальную мускулатуру груди, покрытую светящимися татуировками.

— «Эгида», — промурлыкал он, и его голос обволакивал, проникая под кожу, вызывая желание расслабиться, довериться, забыть обо всем. — Какое... восхитительное пополнение.

Аудитория 666 была заполнена. Здесь были студенты со всех курсов. Они сидели на ступенях амфитеатра, пожирая первокурсников глазами. Это был спектакль.

— Я слышал, вы уже успели познакомиться с профессором Вейном, — усмехнулся Малиэль, спускаясь с кафедры. Его движения были плавными, кошачьими. — Бедный старик. Он до сих пор пьет валерьянку.

Он остановился перед ними. Его взгляд, янтарный, с вертикальными зрачками, скользнул по Нимфе Бури, задержался на Алисе и остановился на Вельде. — А это что за бледная немочь? — Малиэль поморщился. — Вы привели с собой призрака? В «Эгиду» теперь набирают по объявлению на кладбище?

Вельд не ответил. Он стоял, чуть ссутулившись, и смотрел в пол. Но Алиса заметила, как побелели костяшки его пальцев, сжатых в кулаки. — Это Вельд, — ровным голосом сказала Алиса. — Наш секретарь. Он записывает, как именно вы нарушаете устав Академии, профессор. Статья четырнадцать, пункт два: использование магии подавления воли на студентах без предварительного письменного согласия.

По аудитории прошелестел смехок. Малиэль на секунду опешил. Его чары — мощные, первобытные чары суккуба — разбились о холодный тон Алисы, как волна о волнорез. — Смелая девочка, — его улыбка стала острее. — Смелость часто граничит с глупостью. А глупость... — он щелкнул пальцами.

Из пола, прямо перед Вельдом, вырвались тени. Они не были магией тьмы Алисы. Это были живые, липкие щупальца первородного страха. Они оплели ноги Вельда, поползли по его телу, сдирая серую мантию.

Вельд закричал. Это был не крик боли. Это был звук ломающегося стекла. Его колени подогнулись. Он упал на пол, обхватив голову руками. — Прекратите... — прошептал он. — Слишком громко... они все кричат... я не могу...

— Видите? — Малиэль обвел рукой аудиторию. — Хроно-резонансный эмпат. Чудесный дар. И чудесная уязвимость. Он слышит каждый грех, совершенный в этих стенах. Сейчас я просто... немного усилил громкость.

Нимфа Бури шагнула вперед, ее волосы начали искрить, формируя шаровую молнию в ладони. — Убери от него руки, кусок инкубьего дерьма, или я поджарю твои татуировки вместе с кожей!

— Стоять, — тихо, но так, что звук прорезал весь шум в аудитории, сказала Алиса.

Нимфа замерла. Малиэль удивленно приподнял бровь.

Алиса сделала шаг вперед. Она не использовала магию. Она просто шла. Но с каждым ее шагом воздух в аудитории густел. Температура падала. Лампочки в светильниках начали лопаться одна за другой, осыпаясь стеклянным дождем.

Малиэль почувствовал это первым. Его чары подавления, его феромоны, его уверенность — все это было магией жизни, магией желания. Алиса несла с собой энтропию. Она была дырой в реальности, куда утекала любая радость. — Ты не посмеешь, — прошепел суккуб,

отступая на шаг. Его янтарные глаза расширились от страха. — Это людное место. Если ты сорвешь печати...

— Я не буду ничего срывать, профессор, — Алиса остановилась в двух шагах от него. Она посмотрела на Вельда, все еще корчащегося на полу. — Я просто заберу то, что принадлежит мне.

Она опустилась на одно колено рядом с Вельдом. Она не коснулась его. Она просто позволила своей тьме, своей способности к адаптации, течь в пол. Она не лечила его. Она строила стену.

Ее магия вошла в резонанс с его печатями. Но вместо того чтобы усилить их, она начала их... фильтровать. Алиса выстроила вокруг головы Вельда кокон из абсолютной, глухой пустоты. Пустоты, в которой нет эха. Нет времени. Нет криков.

Вельд перестал дергаться. Его дыхание стало ровным. Он все еще лежал на полу, но его глаза, когда он их открыл, были ясными. Он посмотрел на Алису. В его серых глазах не было благодарности. Там было понимание. Он только что увидел, как работает ее адаптация на живом разуме.

— Фильтр продержится час, — сказала Алиса, поднимаясь и поворачиваясь к Малиэлю. — Потом он снова начнет слышать камни. Советую вам за этот час придумать извинение, которое не содержит в себе похоти.

Малиэль смотрел на нее. Его магическая аура, еще недавно заполнявшая всю аудиторию, сдулась, как проколотый пузырь. Он видел перед собой не студентку. Он видел палача, который просто отложил топор. — Ты... ты чудовище, — выдохнул он.

— Я — студентка «Эгиды», — поправила Алиса. — А теперь, если вы закончили демонстрацию, мы бы хотели занять свои места. Сегодня вы будете рассказывать нам о проклятиях крови. Надеюсь, ваш наглядный материал не обмочился?

Она кивнула на Вельда. Тот медленно, опираясь на стену, поднялся на ноги. Он пошатывался, но стоял.

Малиэль сжал челюсти так, что заскрипели зубы. Он понял главное: в его аудитории сидят три стихийных бедствия. И если он попытается их сломать, Академия просто исчезнет с лица земли вместе с ним. — Места в первом ряду, — процедил он, махнув рукой. — И молитесь своим мертвым богам, чтобы вы дожили до конца лекции.

— Мы не молимся, профессор, — бросила Нимфа Бури, проходя мимо него и бесцеремонно толкая его плечом. — Мы учимся.

Они заняли места в самом центре первого ряда. Вельд сел рядом с Алисой. Он все еще был бледен, но его руки больше не дрожали. — Спасибо, — сказал он тихо, чтобы слышала только она. — Ты экранировала мой разум. Я никогда... никто не умел этого делать. Обычно меня просто бьют по голове, чтобы я замолчал.

— Удары по голове снижают коэффициент интеллекта, — ответила Алиса, открывая тетрадь. — А нам нужно, чтобы ты оставался умным. Нам нужен кто-то, кто будет читать эхо.

Малиэль вышел в центр аудитории. В руках он держал хрустальную колбу, внутри которой билась, пытаясь вырваться, сгусток золотистого света — пойманная душа. — Итак, — начал он, стараясь вернуть себе преподавательский тон, но его голос все еще предательски дрожал. — Проклятие «Сердечная Немошь». Требуется трех капель крови жертвы, привязанной к предмету...

Алиса взяла перо. Она не смотрела на суккуба. Она смотрела на формулы, которые он чертил в воздухе. Вельд, сидящий рядом, чуть наклонился к ней. — Он лжет, — прошептал он. — В формуле есть лишняя руна. Если применить это проклятие по его инструкции, жертва не просто умрет от остановки сердца. Ее душа будет замурована в собственном теле. Вечная кома. Полная сенсорная депривация.

— Запиши, — не отрывая взгляда от доски, сказала Алиса. — И добавь: профессор Малиэль — садист. Пятьдесят баллов тому, кто найдет способ обратить это проклятие против него самого до конца семестра.

Вельд позволил себе едва заметную улыбку и начал быстро писать в своей тетради идеальным, каллиграфическим почерком.

Лекция продолжалась. Вокруг них студенты шептались, бросая испуганные и восхищенные взгляды. «Эгида» снова доказала свое право на существование. Они не просто выжили. Они подчинили себе пространство.

Алиса писала, анализируя структуру проклятия. Ее разум работал холодно и четко. Она уже видела, как модифицировать эту формулу. Не для защиты. Для нападения.

Она украдкой посмотрела на Вельда. Он был странным, хрупким, почти прозрачным. Но его способность видеть скрытое делала его незаменимым. В Академии Проклятых, где каждый был ходячей угрозой, иметь при себе живой детектор лжи и минное поле чужих воспоминаний было... стратегически выгодно.

Колокол ударил, возвещая конец пары. Малиэль, избегая смотреть им в глаза, поспешно растворил душу в колбе и скрылся в портале.

Аудитория опустела за минуту. Никто не хотел оставаться в одном помещении с «Эгидой» дольше положенного.

Алиса закрыла тетрадь. — Идем, — сказала она Вельду. — Нимфа Бури наверняка уже заминировала столовую. Нужно успеть поесть до того, как она устроит короткое замыкание всей западной башни.

Они вышли в коридор. Солнце — или то, что заменяло его в магическом измерении Академии — клонилось к закату, окрашивая багровые шпили в цвет запекшейся крови.

— Куда теперь? — спросил Вельд, шурясь от яркого света. После часа, проведенного в темноте аудитории, даже тусклое освещение башни резало глаза. — Отдых, — ответила Алиса. — И анализ. Нам нужно понять, кто из преподавателей хочет нас убить, а кто просто хочет использовать. — То есть... все? — уточнил Вельд. — Именно, — кивнула Алиса. — Но у нас есть преимущество. Мы знаем, что они — угроза. А они до сих пор думают, что мы — просто плохо воспитанные дети.

Она посмотрела на свои руки. Черная субстанция, которую она использовала для создания артефакта, все еще слегка светилась под кожей. — Первая неделя, Вельд, — сказала она, шагая по лестнице вверх, к жилым ярусам. — Посмотрим, сколько из нас доживет до второй.

Вельд молча пошел следом, его шаги были бесшумными. Он смотрел в спину Алисе и видел не просто студентку. Он видел воронку, центр урагана. И, к собственному ужасу, он понимал, что его собственная, хрупкая магия эха чувствует себя в безопасности только внутри этой воронки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.